

Когда они вернулись в комнату, Лю Цзяоцзяо, всё ещё не оправившись от потрясения, опустилась на стул у стола. Она машинально потянулась за чашкой чая, чтобы хоть немного успокоиться, но, увидев в ней остатки зеленоватого вина, не сдержала рвотного позыва.

— Хочешь вырвать — иди на улицу, не пачкай мою комнату, — бросил Линь Лин.

Он опустил на пол маленького слугу, который всё это время был у него за спиной, и, чувствуя себя крайне неловко, отошел на пару шагов. Брезгливо покосившись на Лю Цзяоцзяо, он в конце концов присел на край кровати. Линь Лин поднес руку к лицу, приносясь к собственным рукам: кроме легкого лекарственного запаха, ничего подозрительного не было. Поняв, что его жест выглядит странно, он поспешно опустил руку, делая вид, что ничего не произошло.

— Они... как они могут быть такими мерзкими! Выращивать лекарственного человека — это уже само по себе чудовищно, но использовать его для настойки, да еще таким способом... Это просто, это...

Лю Цзяоцзяо хотела назвать их последними негодьями, но слов не хватило.

— Что толку об этом думать? Лучше подумай, что будешь делать дальше, — Линь Лин, не раздеваясь, лег на кровать. Потянувшись за одеялом, он на мгновение замер, но в итоге передумал, укрылся собственным верхним халатом и искоса взглянул на угол.

Маленький слуга снова забился туда, свернувшись в привычную позу с подтянутыми к груди коленями. Линь Лин швырнул одеяло в ту сторону. Развернувшись в воздухе, оно накрыло ребенка с головой.

Шэнь Нянь от неожиданности опешил. Посидев так некоторое время, он высунул голову из-под одеяла и недоуменно посмотрел на кровать. Не дождавшись ответа, он расстелил одеяло, подогнул край, соорудив подобие подушки, лег и укрылся остатком ткани. Даже лежа, он продолжал оставаться крошечным комочком.

Лю Цзяоцзяо чувствовала, как мысли путаются, словно нити в клубке. Слабое лицо умирающей матери, холодное равнодушие отца, спрятанное за маской строгости, лезвия клинков преследователей в черном, кровавые тени погибших братьев и тошнотворный скрежет, услышанный в ночном павильоне — всё это вихрем кружилось в голове.

Но в конце концов весь этот хаос отступил, уступив место одному-единственному воспоминанию: утренняя аудиенция у Главы Долины Царя Лекарств. Тот старец с лицом юноши и седыми волосами... Когда он прищурился, в глубине его глаз мелькало что-то пугающее.

Стоило отбросить ореол святого целителя, как его взгляд становился невыносимым — точно таким же, каким смотрели на неё все встреченные на пути развратники.

Мерзость, просто невыносимая мерзость!

Она долго размышляла и наконец, стиснув зубы, приняла решение. Она уже хотела заговорить, но обнаружила, что оба мужчины в комнате спят: один, не раздеваясь, закрыл глаза на кровати, а другой свернулся на полу, укрывшись одеялом, и уже тихонько посапывал.

Лю Цзяоцзяо: ...

Долина Царя Лекарств была отрезана от внешнего мира. Здесь разводили множество редких зверей и птиц, поэтому с рассветом воздух наполнился самыми невероятными звуками: одни голоса были мелодичными, другие — пугающе высокими и странными.

Лю Цзяоцзяо медленно открыла глаза. Под ними залегли отчетливые тени — она так и не сомкнула глаз за всю ночь, просидев в медитации до самого утра. Даже редкая красавица не могла скрыть следов такой бессонной ночи.

В дверь постучали. Линь Лин настороженно сел, но, сообразив, в чем дело, лениво зевнул. Бросив взгляд на ребенка, который всё ещё сладко спал на полу, он перевел взгляд на Лю Цзяоцзяо, подавая ей знак.

Лю Цзяоцзяо встала, осторожно обошла мальчика и приоткрыла дверь.

Слуга, стоявший снаружи, увидел, что она выходит из гостевой комнаты, и на мгновение замер. Его лицо исказилось от удивления, которое он, впрочем, тут же поспешил скрыть. Склонившись в поклоне, он произнес:

— Госпожа Лю, Глава просит вас немедленно пройти в передний зал. Говорит, есть важный разговор относительно болезни вашей матушки.

Лю Цзяоцзяо сжала край рукава и машинально посмотрела на Линь Лина. Увидев его кивок, она ответила:

— Передайте, что я скоро буду.

Сохраняя невозмутимый вид, она вышла из комнаты, зашла в свою соседнюю и плотно закрыла дверь, не обращая внимания на подозрительный взгляд слуги.

Как только замок щелкнул, её напускное спокойствие испарилось. Она в тревоге заметалась по комнате: что делать, что же теперь делать? Снова идти к этому мерзкому Главе? А если он...

— Послушай, принеси-ка мне воды умыться, только теплой, — раздался из-за стены ленивый мужской голос. Тон был таким небрежным и властным, что даже через стену чувствовалась эта невыносимая самоуверенность.

Слуга сначала не хотел реагировать, но, услышав, как Лю Цзяоцзяо тоже просит воды, был вынужден позвать других слуг, чтобы те принесли два таза. Сам же он остался стоять у двери, не отходя ни на шаг.

<http://bllate.org/book/21455/2192979>